

КОМИ СИНТАКСИС В ГРАММАТИКАХ XIX в.

В.М. Лудыкова (Сыктывкар)

Сегодня коми и в целом пермское языкознание достигло больших достижений. Имеются фундаментальные исследования по различным вопросам грамматики, лексикологии, истории языка, достаточно полно изучены диалекты коми и удмуртского языков и т.д.

Прочные основы современной коми лингвистической науки были заложены в начале XX в. Тогда за короткий период в сложных условиях гражданской войны, формирования новых общественных отношений, послевоенного строительства были созданы основы коми языкознания как специальной отрасли науки, национальной школы, в кратчайшие сроки были составлены буквари, учебники, словари, разработаны нормы коми литературного языка, изданы научные работы, положено начало изучению диалектов. И конечно, столь интенсивное развитие коми лингвистической науки в начале XX в. стало возможным благодаря тому, что было сделано в предшествующий период, в XIX в.

Именно в XIX в. были составлены и опубликованы первые грамматики коми языка. Многие из них написаны на хорошем научном уровне. Их авторам удалось достаточно полно описать структуру коми языка, показать некоторые особенности структуры коми языка. Целью отдельных исследователей являлось также и создание норм коми языка.

В XIX в. Г.С. Лыткиным впервые была составлена грамматика на коми языке с использованием коми лингвистической терминологии. Многие из терминов, составленных Георгием Степановичем, дошли до наших дней и активно используются в науке и образовании. Такими, например, являются следующие термины: нимтан «именительный», керан «винительный», петан «исходный», былыстчан «отдалительный» (падежи), шы «звук, фонема», вуж «корень», лыд «число», кад «время», öня кад «настоящее время», локтан кад «будущее время» и т.д.

По словам В.И. Лыткина, грамматика Г.С. Лыткина стала настольной книгой коми филологов начала XX в. Он писал: «Г.С. Лыткин аслас «Зырянский край» книгаын, кодӧ дыр кад чӧж вӧлі коми филологӧяслӧн (В.Т. Чисталёвлӧн, А.А. Молодцовлӧн, А.С. Сидоровлӧн, В.И. Лыткинлӧн да мукӧдӧяслӧн) быд лунӧя уджалан книгаӧн, сетӧс не сӧмын нормативнӧй

грамматика да словарь, но и лӧсьӧдӱс тырмымӧн текстъяс, мед тырбура петкӧдлыны литературной кывлысь нормаясӧ» (Илля Вась 1994: 162–163).

В XIX в. по вопросам коми синтаксиса не было издано специальных работ, однако в некоторых из опубликованных грамматик, имеются разделы (иногда совсем краткие), посвященные проблемам коми синтаксиса. Они, конечно, оказали существенную помощь при разработке синтаксиса в первой половине XX в.

Отдельные сведения о синтаксисе можно найти уже в первой грамматике зырянского языка Флѣрова (Ф.Козлова), изданной в Петербурге в 1813 г.

Несмотря на то, что эта грамматика не очень высоко оценивалась языковедами XIX–XX вв., в ней имеются точные наблюдения о синтаксисе коми языка. Ее автор сумел заметить некоторые характерные для этого языка черты. Он одним из первых совершенно справедливо отмечает, что перед именами существительными прилагательные, причастия «являются самостоятельными», т.е. в роли определения не изменяются. Это утверждение подтверждается примерами: *бурь мортӧсь быддыръя любитаснысь* «добраго человека всегда любят» (Флѣров: 39). Автор первой коми грамматики верно подмечает и то, что прилагательное или причастие может быть в форме множественного числа, когда они являются сказуемыми при существительном (т.е. при подлежащем) в форме множественного числа или однородных существительных (подлежащих). По словам автора этой работы, «Когда имя существительное стоит во множественном числе, или два существительных соединены союзом, то имя прилагательное или причастие полагается во множественном числе, ежели оныя будут сказуемыми: *етая мортъйась выйымӧсь буръйӧсь* «эти люди (суть) добрые»; в противном же случае бывают самостоятельными» (там же: 39). Следует отметить, что автор первой грамматики по сути начинает говорить об адъективном и глагольном управлении, хотя и не использует этих терминов. Он пишет: «Имя прилагательное в уравнильной степени требует существительного с предлогом *-ысь* «изъ» (заметим, что здесь, конечно же, падежный суффикс, а не предлог): *югыдджык шоньгейысь* «светлее солнца». Далее он пишет: «Все глаголы на вопрос *кодлы* «кому» и *муйлы* «чему» принимают дательный падеж: *ме ысти тэныдъ* «я послал тебе» (там же: 41). В этой грамматике приведены и союзы, дана их классификация, пусть и не совсем точная, но нельзя забывать, что это первая грамматика зырянского языка. В ней приведены следующие союзы: 1. Соединительные (и «и», жӧ «же», сиджӧ «также»); 2. Разделительные (или «или», о, но «но», либӧ «либо»); 3. Условные (ежели «ежели», кодыръ «когда»); 4. Противительные (а «а», но «но», ӧднако «однако», кӧтя «хотя»); 5. Винославные (муй «что», меткӧ и муй «чтобы»); 6. Заключительные (и сидз «и так», сылӧн дась «посему») (там же: 37–38). Опубликованные работы XIX в. свидетельствуют, что большинство из этих перечисленных союзов функционировало в коми языке.

Одна из фундаментальных грамматик XIX в. была составлена П.И. Савваитовым, за которую ему справедливо была присуждена Демидовская пре-

мия Петербургской академии наук. В его грамматике, изданной в Санкт-Петербурге в 1850 г., дано достаточно полное описание фонетической и грамматической структуры зырянского языка. Наиболее подробно в ней представлены морфология и словообразование этого языка (второй раздел). Достаточно широко освещены и вопросы синтаксиса, которому посвящен третий раздел грамматики. Следует отметить, что наиболее полное описание коми синтаксиса впервые дается именно в грамматике П.И. Савваитова.

Представляется, что не совсем справедливой была оценка этой грамматики И.А. Куратовым, по словам которого она была «дурно написанною». Хотя И.А. Куратов неоднозначно оценивает эту работу, отмечает и ее положительные стороны. Он пишет: «Впрочем, г. Савваитов в этом сочинении представляет не комбинацию только того, что до него другие сказали о зырянском языке: книжка его богата материалами им самим тщательно собранными и с замечательным искусством распределенными» (Куратов: 53). Однако заметим, что критика Куратова относится, прежде всего, к разделу «Морфология». Он не обращается к анализу синтаксического раздела грамматики Савваитова. Впрочем, определенные недостатки были у авторов всех грамматик XIX в., в том числе и грамматики самого Куратова.

В синтаксическом разделе грамматики П.И. Савваитова определяются предложения с позиций логико-грамматической школы, что соответствовало синтаксической науке того времени.

П.И. Савваитов одним из первых выделяет и анализирует члены предложения. К главным членам он относит подлежащее, сказуемое и связку. Под связкой им понимается компонент, определяющий отношение сказуемого к подлежащему.

Из второстепенных членов в этой грамматике выделяются и рассматриваются определение и дополнение. Интерес представляет то, что обстоятельство им причисляется к определению. (Заметим, что такая точка зрения могла иметь место, так как обстоятельство, как и определение, является характеризующим членом предложения, только, в отличие от определения, оно характеризует не предмет, а действие).

Примечательно, что анализируемое Савваитовым основное значение того или иного члена предложения и способы их выражения, иллюстрируется во всех случаях богатым языковым материалом. По его словам, «Определениями выражаются различные качества предметов, степени, качеств, обстоятельства времени и места, образ действия или состояния» (Савваитов: 95). Отмечается, что в роли определения могут быть имена существительные, прилагательные, местоимения, причастия, деепричастия: *ветлыгӧн жи дорты сыја addзис дона из* «проходя близь рьки, он нашел драгоценный камень»; наречия: *вескьыда шуа тїянлы* «истинно говорю вам» (Савваитов: 95).

По утверждению П.И. Савваитова, «Дополнениями обозначаются предметы, имеющие самое близкое, необходимое отношение к подлежащему или сказуемому» (там же: 95). В его работе правильно указывается, что допол-

нением являются имена существительные и местоимения, хотя и не называются падежные формы.

Справедливым является мысль о возможности выражения дополнения инфинитивом, «глаголом в неопределенном наклонении». Однако неизученность синтаксиса в XIX в. не позволила установить автору, что в роли дополнения могут быть реализованы лишь объектные инфинитивы. К сожалению, в качестве дополнения им приводятся, а также рассматриваются субъектные инфинитивы, которые входят в состав глагольного сказуемого: *Найё кёсјены сјорнитны тэкёд* «Они хотят говорить с тобой»; *Меным колё сјојны и узјны* «Мне хочется есть и спать» (там же: 96).

П.И. Савваитовым впервые дается классификация предложений коми языка. Прежде всего он выделяет простые и сложные предложения, приводит их определения: «Всякое предложение называется простым, когда оно состоит из одного подлежащего и одного сказуемого, хотя при том и другом находились определения и дополнения. Но когда вместо определительного или дополнительного слова к одному предложению присоединяется другое, то предложение, произошедшее из такого соединения, называется сложным: *Ме верма керны, мый меным колё* «Я могу делать, что хочу» (там же: 96; 97).

Заслугой Савваитова является то, что он впервые анализирует сложные предложения и их предикативные части. Теоретические положения он иллюстрирует не только примерами, извлеченными из письменных источников, но и собранными им из живой разговорной речи, от носителей языка. Это свидетельствует о том, что сложные синтаксические конструкции имели место в системе коми языка уже в первой половине XIX в. В его грамматике дана верная трактовка главного и придаточного предложений, но не совсем точно квалифицируются конструкции с прямой речью как сложные предложения. Он пишет, что простые предложения, входящие в состав сложных, бывают главные, придаточные и вводные. Под вводными он понимает слова автора при прямой речи: «Вводное предложение есть то, которое хотя придается к главному, но не имеет грамматической связи с ним, почему и может быть опущено без нарушения смысла: *уна јуны курыд (вина) шог ловлы; шуё важ йёзысь мывкыда морт* «много пить вина прискорбно для души. Говорит древний мудрец (собственно: говорит из древнего народа умный человек). Здесь вводное предложение: *шуё важ йёзысь мывкыд морт*» (там же: 98).

В грамматике Савваитова приводятся и синтаксические средства связи придаточного предложения с главным. Он пишет, что в качестве средств «соединения придаточных предложений с главными служат относительные местоимения, наречия и союзы».

Очень важным является тот факт, что Савваитов, по сути, первым начинает говорить об эквивалентах предложений. Он точно подмечает, что «глагол с относительным местоимением может быть сокращен в причастие, а с личным местоимением и союзом – в дееспричастие: вместо *морт, кодёс ыстысны, бергёдчис* «человек, которого послали, вернулся», можно сказать: *ыстёма морт бергёдчис* «посланный человек вернулся».

Достижением Савваитова является и то, что он анализирует и синтаксические связи, которые впервые упоминались в грамматике Флёрова.

П.И. Савваитов подчеркивает, что «Когда прилагательные имена и местоимения употребляются при существительных для определения их, тогда они ставятся без всякой перемены, то есть, в именительном падеже единственного числа, хотя бы существительные, к которым они относятся, стояли во множественномъ: *тэнад муса вокъясид кулыны* «Твои милые братья умерли»; *Таја мортјас мөд тујен мунысны* «Эти люди отправились другою дорогою» (там же: 110–111), но когда прилагательное употребляется вместо существительных (т.е. субстантивируется), или занимает место сказуемых, то склоняются подобно существительным: *Ленэжса Батј тишөктө аслас шондылы лэдзны југыд омөллјас вылө і бурјас вылө; зэрны весјкыда олысјас вылө и омөлја олысјјас вылө* «Отец небесный велить восходить солнцу своему над злыми и добрыми, и посылает дождь на праведных и неправедных».

От внимательного лингвистического взгляда Савваитова не ускользает и еще одна особенность синтаксиса коми языка, а именно то, что существительное в сочетании с числительными употребляются в форме единственного числа, не принимая маркер множественности, а глагольное сказуемое с подлежащим, выраженным сочетанием «числительное + существительное», координируется в числе. По его словам, «при числительных, количественных именах, начиная с кыкь «два, существительные, к ним относящиеся, всегда полагаются в единственном, а глаголы во множественном числе: *vit нјанј и кык чери* «пять хлебов и две рыбы», *најанлөн вöлысны куим пі* «у них были три сына» (там же: 111).

Известно, что в современном коми языке широкое распространение получили так называемые инфинитивные предложения, выражающие различные модальные значения. В финно-угорском языкознании считается, что они появились относительно поздно, и на их развитие определенное влияние оказывает русский язык. Грамматика П.И. Савваитова свидетельствует о том, что такие конструкции в синтаксической структуре коми языка имели место уже в первой половине XIX в. Савваитов пишет, что «В вопросительных предложениях часто употребляется, как и в русском языке, неопределенное наклонение. В этом случае всегда должно подразумевать при нем глагол *колө* или *шогмас*, почему и подлежащее ставится в дательном падеже: *Мыј мијанлы сјойны, і мыј јуны?* «Что нам ъсть, и что пить?»; *Кытысј мијанлы босјтны нјанјјас?* «Откуда нам взять хлебовъ?». Хотя им и не совсем верно квалифицируется дательный падеж как подлежащее, точнее дательный субъекта, не совсем точно отмечается о пропуске глагола (заметим, что глагол в таких конструкциях не является пропущенным, инфинитив образует особый тип предложений), но ценным является наблюдение о функционировании таких конструкций в XIX в.

П.И. Савваитову удалось выявить и основные закономерности порядка слов. Из всех грамматик XIX в. вопросы словоупотребления наиболее полно и точно освещаются именно в его работе. Причем он обращается к анализу

словопорядка во всех выделенных им типах предложений – изъявительных, вопросительных, повелительных, – а также отмечает общие и особенные правила словорасположения (там же: 117). Общие правила, по его мнению, характерны для всех предложений, «особенные» – для предложений изъявительных и повелительных. Им установлены общие правила, согласно которым «Главное слово ставится в начале, а важнейшие по нем в конце предложения (иными словами, подлежащее – в начале, сказуемое – в конце предложения); определительные слова всегда занимают место перед своими существительными, к которым относятся: *быдсјама бур ну ваје бур вотос, а амолј ну ваје амолј вотос* «всякое хорошее дерево приносит хорошие плоды, а всякое плохое дерево приносит плохие плоды». Дополнения полагаются непосредственно при словах дополняемых, и притом, большею частью после них» (там же: 118). Он обращает внимание на то, что «по силе общих правил, в изъявительных предложениях сперва ставится подлежащее, потом связь, если она отдельная, и наконец сказуемое: *Јен эм бур* «Бог (есть) благо»; *Ме косја сјорнјитны* «Я хочу говорить». Примечательно замечание Савваитова о том, что «когда обращается особенное внимание на сказуемое, то оно ставится прежде подлежащего: *джуджыд эм тайа гора* «высока (есть) эта гора»; *эмсј мортјас, кодјас оз косјыны керны бур* «есть люди, которые не желают делать добро» (там же: 119).

Согласно особенным правилам порядка слов, как пишет Савваитов, «в предложениях вопросительных сначала полагаются те слова, на которые требуется ответ: вопросительные местоимения, наречия и другие, а потом остальная часть предложения: *Кор таје лоса?* «Когда это будет?»; *Тэ-о вöлн татöн?* «Ты ли был здесь?». В повелительных предложениях сначала ставится глагол, выражающий желание, потом местоимение, если оно не подразумевается, и наконец остальная часть предложения: *Тшöкты меным ас дынад локны* «Позволь мне придти к тебе»; *Вай тэ нурттö* «Поддай ты свой ножик» (там же: 120).

Таким образом, грамматика П.И. Савваитова отражает основные черты синтаксиса коми языка.

К вопросам синтаксиса обращается и И.А. Куратов, хотя и синтаксису уделяет внимания меньше, чем другим разделам языкознания. Его интересуют прежде всего типологические свойства зырянского языка. Следует согласиться с Г.И. Тираспольским, утверждающим, что «видимо, не будет преувеличением назвать Куратова основоположником типологического изучения коми языка. К сожалению, типологические интересы просветителя не нашли активного продолжения в современной финно-угристике. Это объясняется, по-видимому, тем обстоятельством, что для финно-угорского языкознания ныне, как и в прошлом, показательна сравнительно-историческая ориентация, тогда как типологические методы приживаются здесь с трудом» (Тираспольский: 131). Куратов в своей работе подчеркивает общие черты в синтаксисе коми, «монголо-татарских» и финских языков, которые усматривает, прежде всего, в порядке слов.

В небольшом разделе, посвященном синтаксису, Куратов неоднократно обращает внимание на строгую логическую последовательность порядка слов зырянского языка. По его словам, «Зырянский язык отличается чрезвычайно логическим устройством и как отдельных слов, так и предложений. Все главное становится впереди; причина предшествует следствию, время и место действию, т.е. необходимые дополнительные и определительные слова – дополняемым и определяемым. В этом отношении зырянский язык имеет общие свойства со всеми монголо-татарскими и финскими языками» (Куратов: 79). Из утверждения Куратова, как и из слов Савваитова, очевидно, что в XIX в. для коми языка был характерен твердый порядок слов: любой зависимый, любой характеризующий компонент располагался перед главным словом. В настоящее время этот закон жесткого порядка слов сохранился лишь в определительных словосочетаниях. В глагольных конструкциях зависимый элемент может занимать место и после главного слова. Как и П.И. Савваитов, И.А. Куратов отмечает, что все зависимые от подлежащего и сказуемого компоненты находятся в препозиции, «из зырянского предложения подлежащее и сказуемое вы узнаете только тогда, когда уже узнали все, что было нужно узнать о них предварительно» (там же: 41).

Куратов обращает внимание еще на одну особенность коми синтаксиса. Он пишет: «Наконец упомянем еще об одной оригинальности зырянских предложений, которая напоминает строение предложений монгольских наречий, именно, о том, что зырянин очень часто подводит речь так, чтоб сказуемое стояло в неопределенном наклонении с предшествующим второстепенным глаголом изъявительного наклонения или даже без него» (там же: 41).

Одним из крупнейших исследователей коми языка в XIX в. был Г.С. Лыткин. Им была составлена первая нормативная грамматика на коми языке. Она посвящена в основном вопросам морфологии, в ней нет раздела «Синтаксис». Г.С. Лыткин не ставил перед собой цель исследовать синтаксическую структуру коми языка. В своей работе он отмечает: «Предлагаемая «Грамматика зырянского языка» дает только этимологию (т.е. в соответствии с современной терминологией – морфологию), изложение которой на зырянском языке, литературно-необработанном, оказалось делом трудным; изложение же синтаксиса на этом языке оказалось для меня делом пока весьма трудным» (Лыткин: VIII). Однако у Г.С. Лыткина по вопросам синтаксиса имеются довольно интересные замечания и наблюдения, о которых он пишет в книге «Зырянский край и зырянский язык». Прежде всего, он обращает внимание на отсутствие союзов и распространение «особых оборотов» в зырянском языке. (Отметим, что под «особыми оборотами» он имел в виду причастные и деепричастные обороты). Лыткин особо подчеркивает, что в своих переводах с русского языка на зырянский язык не используются союзы: «В переводах я, безусловно, исключил русские союзы, которые чужды зырянскому языку и которых нет в зырянских переводах Св. Стефана. – Русскія и другіе иноземные слова, особенно же русские союзы попали в зырянский языкъ, благодаря зырянам-семинаристам, т.е. единственным образованным зырянам прошлого и на-

стоящего столетий. Они, изучая языки русско-славянский, латинский (языки индоевропейские или арийские), познакомились с употреблением союзов и потому в своих переводах с русско-славянского языка на зырянский не могли обойтись без них; но так как зырянский язык чуждается союзов, то они прямо взяли русские союзы, не обращая внимания на то, что в народных произведениях зырян существуют особые обороты, особый строй речи, при котором нет надобности в союзах. Это невнимание к строю зырянской речи и введение русских союзов, чуждых зырянскому языку, привело переводчиков к созданию особенного жаргона зырянского языка, который можно назвать жаргоном образованных зырян или жаргоном семинаристов» (Лыткин: VI–VII). По мнению Г.С. Лыткина, вместо сложноподчиненных предложений с определительным придаточным необходимо использовать простые предложения с причастными оборотами. Он пишет: «сложные предложения, связанные словом *код* (кто), должны быть разложены и заменены зырянскими оборотами; тогда книжный зырянский язык, принявший строй народных произведений, будет вполне понятен простолюдину-зырянину». Отметим, что в XIX в. коми язык вряд ли уже мог обходиться без сложных предложений, в том числе и сложноподчиненных. Язык не может развиваться без создания новых слов, новых синтаксических конструкций. В этот период развития коми языка сложные конструкции объективно вошли в его структуру. Союзы, союзные слова, сложные предложения зафиксированы в разных текстах, грамматиках XIX в. Они широко используются в поэтических текстах И.Куратова. Сложные предложения с придаточными частями зафиксированы в иллюстративном материале, приведенном в грамматике П.И. Савваитова. Известно, что языковой материал он собирал из живой разговорной речи. Это свидетельствует о том, что такие конструкции уже не были чужды разговорной речи. Сложные конструкции имеются и в приведенных текстах самого Г.С. Лыткина, например: *Кодыр сыё кӧсӧйс би вартны, кылӧ: пач вылын кодкӧ чушъялӧ* «Когда он хотел затопить печку, услышал: на печке кто-то слышится».

Литература и источники

Илля Вась. Мый медся дона да муса. Сыктывкар, 1994.

Лыткин Г.С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1889; 2-е изд. М., 1996.

Савваитов П.И. Грамматика зырянского языка. СПб., 1850.

Тираспольский Г.И. И.А.Куратов – языковед. Сыктывкар, 1980.